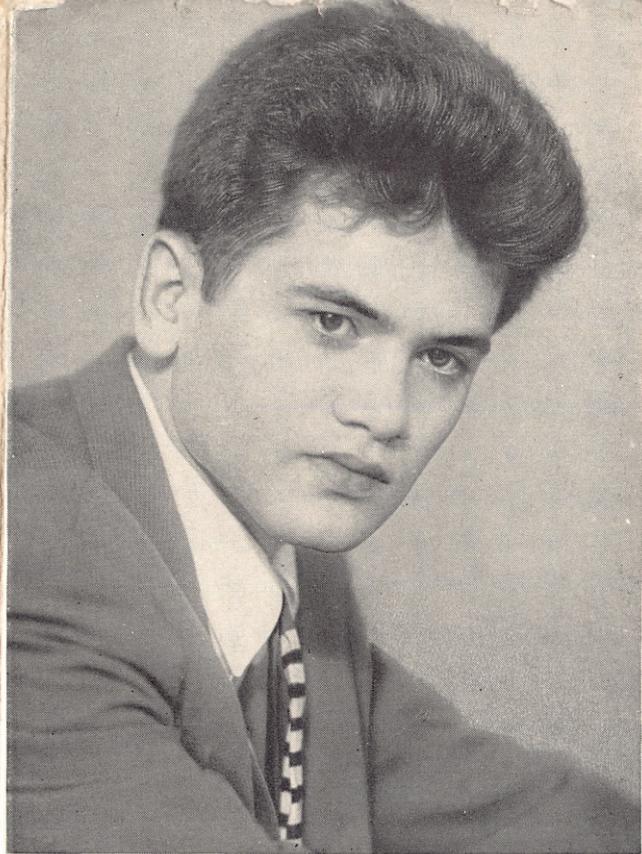

АЛЕКСАНДР КУШНЕР

ПЕРВОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

АЛЕКСАНДР КУШНЕР

АЛЕКСАНДР КУШНЕР

ПЕРВОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

С Т И Х И

«СОВЕТСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ»
МОСКВА-
ЛЕНИНГРАД
1962

ТАНКЕР „ДЕРБЕНТ“

С экрана в зал вползали танки.
Но, кроме этих кинолент,
Я в детстве знал одну,

про танкер

С высоким именем «Дербент».
Там шел механик после смены,
Не помышляя о войне.
И дождь спокойный, довоенный,
Шумел на желтом полотне.
Но непонятная тревога
Уже угадывалась там:
В том, как посматривали строго,
Как просыпались по утрам.
А флот вступал в соревнованье,
Каспийский, нефтеналивной.
И тоже было расставанье,
И руки женщины одной.
И мы, мальчишки, в темном зале,

Стремясь к механику тому,
Уже грустили.

Мы-то знали,
Что уготовано ему.

В ЭВАКУАЦИИ

Война гремела вдалеке.
А здесь в дожди дремучие
Цвело пятно на потолке
И растекалось тучею.

И капля падала на дно
Подставленного тазика.
И приходила
                                  на пятно
Взглянуть соседка Настенька.

Я с нею был угрюм и строг,
Рассказывал о трещине.
Я был мужчиной и не мог
Расплакаться при женщине.

Но понимала все сама:
Что мать вернется вечером,

Что третий месяц нет письма
И ждать, быть может, нечего.

А капля — бах! И снова — бах!
И по головке гладила.
Война гремела в двух шагах,
Когда включали радио.

Их вовсе не было, когда
Вставали снежные заносы
И провисали провода.
Но пролетала бомба мимо
И разрывалась за углом.
Эмблема Осоавиахима!
Не ты ли нам спасала дом?

Ветра невского свирепость.
Детство ясное мое!
Петропавловская крепость,
Золотое острие!

Дождь запнется над Рыбацкой
И проходит стороной,
За зеленой Петроградской —
Самой светлой стороной.

Здесь шаги легки и гулки,
И, холодный свет лия,
В каждом тихом переулке —
Петропавловка своя!

Над рядами окон ясных
Золотое острие.
Сколько улиц — столько разных
Впечатлений от нее.

„РУССКИЙ ДИЗЕЛЬ“

Вот он, старый «Русский дизель»,
Постоим с тобою тут.
На заводе «Русский дизель»
Испытания идут.

Он душа всего квартала.
И легко увидеть в нем
Зарожденье капитала
И промышленный подъем.

Он огнями нам мигает,
Он похож на старика,
И проспект пересекает
Старый путь паровика.

Дни и ночи, дни и ночи,
Сотрясая нам окно,
В нем стучат сердца рабочих,
Замолчавшие давно.

Не на тихом, деревенском,
Где лишь вороны кружат,—
За Обводным, на Смоленском
И на Волковом лежат.

Посветлей бы вышла ночка,
Увидав, что ты идешь,
Старики спросили б: «Дочка,
Хорошо ли ты живешь?»

Потому что им на свете
Не досталось Октября.
Потому что мы в ответе
Перед ними за себя.

ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЬНЫЙ ПАРК

В начале пригородной ветки
Обрыв платформы под овраг,
И там на проволочной сетке:
«Воздухоплавательный парк».
Название плавно и крылато.
Как ветрено и пусто тут!
Поселок окнами к закату,
И одуванчики растут.
Вдали от музык и парадов,
На петроградском рубеже,
Паренье первых аппаратов!
Ты не вернешься к нам уже.
И, принеся одни убытки,
Под торжество болотных жаб,
Расползся до последней нитки
Темно-зеленый дирижабль.
И тех людей забыты лица,
Снесен амбар тот и барак,

Но пусть нам все-таки приснится
Воздухоплавательный парк!
Чтоб нам летать и удивляться:
Деревьев нет и листьев нет,
Горит вверху иллюминация
Организованных планет,
И самолеты-вертолеты
Гнезятся в верхних облаках,
И где-то первые пилоты
Лежат — пропеллер в головах,
И электричка рядом бродит,
Огнями вытравляя мрак.
И в белом платье тень приходит
В Воздухоплавательный парк...

НА МОСТУ

Наедине с самим собой
Я на мосту пустом.
Буксир с откинутой трубой
Проходит под мостом.

Труба дымит, огонь горит.
И в белых облаках
У люка женщина стоит
В платке и сапогах.

Поет высоким голосом
Молоденький матрос.
И баржа черная с песком
Натягивает трос.

Она идет — поторопись! —
Чуть-чуть наискосок.
И если прыгнуть сверху вниз,
То угодишь в песок.

Перепугаешься.

Затем

Очнешься, еле жив.

И, не замеченный никем,

Ты поплывешь в залив...

ОБЪЯВЛЕНИЯ ПО РАДИО

Обо мне проявляют заботу.
Приглашают меня на работу.
Диктор дважды в течение дня
Телефон повторил для меня.
Чтоб задумался я, между прочим:
Не пойти ли подсобным рабочим —
Подносить и железо и медь,
В общежитии койку иметь.
Нерешительность тут не помеха,
Обращайтесь от трех до пяти.
Объясняют, как лучше проехать,
На какой остановке сойти.
Спрос на юных и на неженатых,
Потому что мешают жена.
Приглашает вагоновожатых
Бескорыстный трампарк Блохина,
Соблазняет железом и громом,
Обещает бесплатный проезд.

И на Север, на Крайний, из дома
Зазывает строительный трест.
О друзья, набирайтесь терпенья!
Слушайте иногда объявленья!
Веселее от них на душе,
Даже если ты занят уже.

КОМНАТА

К двери припадун' одним плечом,
В комнату войду, гремя ключом.
Я и через сотни тысяч лет
В темноте найду рукою свет.
Комната.
Скрипящая доска.
Четырехугольная тоска.
Круг моих скитаний в полумгле.
Огненное солнце на столе.
Раз в году бросаясь на вокзал,
Я из тех, кто редко уезжал.
Как уеду я? Куда уйду?
Отпуска бывают раз в году.
Десять метров мирного житья,
Дел моих, любви моей, тревог,—
Форма городского бытия,
Вставшая дорогам поперек.

Телефонный звонок и дверной —
Словно ангела два надо мной.
Вот сорвался один и летит,
Молоточек в железку стучит.
В это время другой со стены
Грянул вниз — и с другой стороны.
И, серебряным звоном звеня,
Разрывают на части меня.
И дерутся, пока я стою,
За бессмертную душу мою.
Ноги — к двери, а к трубке — рука,
Вот и замерли оба звонка.
Телефонный звонок и дверной —
Словно ангела два надо мной.
Опекают меня и хранят.
Все в порядке, покуда звонят.

Когда я очень затоскую,
Достану книжку записную.
И вот ни крикнуть, ни вздохнуть,—
Я позвоню кому-нибудь.
О голоса моих знакомых!
Спасибо вам, спасибо вам
За то, что вы бывали дома
По непробудным вечерам,
За то, что в трудном переплете
Любви и горя своего
Вы забывали, как живете,
Вы говорили: «Ничего».
И за обычными словами
Была такая доброта,
Как будто бог стоял за вами
И вам подсказывал тогда.

МАГНИТОФОН

Будущее — за магнитофоном.
Мы умрем, но наши голоса
Все же под глазком его зеленым
Оживут, хотя б на полчаса.
В предстоящем, двадцать первом веке
Зазвучим, как в жизни, ты и я,
Точно нам не опускали веки.
Не жалейте ленты нам, друзья!
Не стирайте ближних ради джаза.
Ты крутись, катушка, торопись.
Голос мой,
Проныра и пролаза,
На высокой полочке пылишь.
Техника спасает наши души
И берет к себе на небеса.
Ты ругаешь технику, —
Послушай,
Как звучат на ленте голоса.

ВВОДНЫЕ СЛОВА

Возьмите вводные слова.
От них кружится голова,
Они мешают суть сберечь
И замедляют нашу речь.
И все ж удобны потому,
Что выдают легко другим,
Как мы относимся к тому,
О чем, смущаясь, говорим.
Мне скажут: «К счастью...»

И потом

Пусть что угодно говорят,
Я слушаю с открытым ртом
И радуюсь всему подряд.
Меня, как всех, не раз, не два
Спасали вводные слова,
И чаще прочих среди них
Слова «во-первых», «во-вторых».

Они, начав издалека,
Давали повод не спеша
Собратся с мыслями, пока
Не знаю где была душа.

Нам станет легче сразу,
Все горести — как дым:
Подслушаем ли фразу,
В словарь ли поглядим.
От всех невзгод — леченье!
Там даже слово «ерш» .
Имеет три значенья!
Какое ты берешь?
Костлявую рыбешку,
Что плавает в реке?
Железную ли ножку,
Зажатую в руке,
Что служит в роли щетки,
Конец в щетине весь?
Иль коньяка и водки
Убийственную смесь?
Пусть жизнь нам не дается
Свежа и хороша

И колется и жжется,
Как сразу три ерша,
Пусть мучит и тревожит.
Но в самый трудный час
Нас выручит, быть может,
Словарный наш запас.

Прозаик прозу долго пишет.
Он разговоры наши слышит,
Он распивает с нами чай.
При этом льет такие пули!
При этом как бы невзначай
Глядит, как ты сидишь на стуле.

Он, свой роман в уме построив,
Летит домой, не чуя ног,
И там судьбой своих героев
Распоряжается, как бог.

То судит их, то выручает,
Им зонтик вовремя вручает,
Сначала их в гостях сведет,
Потом на улице столкнет,
Изобразит их удивленье.
Не верю в эти совпадения!
Сиди, прозаик, тих и нем.
Никто не встретился ни с кем.

А ты как жизнь свою проводишь?
Как я, к субботе устаешь?
Пером скрипишь и чушь городишь,
А после — нравится идешь?

Ну а тебе не надоело
В своей — душе? В своей — судьбе?
В себя глядеться то и дело
И просто — думать о себе?

А на дворе такая осень,
Что, все печали разлюбя,
Забыть бы нам себя, забросить,
Махнуть рукою на себя!

Чтоб к нам деревья наклонялись
И принимали за своих,
И листья мертвые касались,
Благословляя нас, живых. . .

Пробыв со мной полдня наедине,
Увез он в сердце чудную ошибку:
Приветливость, не свойственную мне,
Запомнил он и легкую улыбку.

Я в памяти его машу рукой,
Безоблачный, плечами пожимаю,
А я стою над ледяной рекой
И, как мне дальше жить,— не понимаю.

Я все ему — в небесном пиджаке,
В подтянутом своем великолепье,
А я снежок сжимаю в кулаке,
И нет меня несчастней и нелепей.

На пальцах стынет острая вода,
Разжав ладонь, разглядываю руку..
Но вспоминаю друга иногда
И сквозь метели улыбаюсь другу.

Что делать с первым впечатленьем?
Оно смущает и томит.
Оно граничит с удивленьем
И ни о чем не говорит.
Оно похоже на границу,—
И все как будто бы за ней
Трава иначе серебрится,
А клюква слаще и крупней.
Что делать с первым впечатленьем
В последующие часы?
Оно проходит дуновеньем
Чужой печали и красы.
И повторится вряд ли снова,
И проживет не много дней,
Но настоящего, второго,
Оно и ярче, и милей.

ХИМИЯ

В твоём углу, в твоём девичьем,
Прозрачных колбочек семья.
Я тоже так люблю химичить!
О химия! Любовь моя!

Ты пригласи меня с мороза
К себе домой.
Пускай внутри
Пробирки
Встретятся глюкоза
И соль аргентум-эн-о-три.

Я тоже на сверканье падоk.
Блести, как вечное перо,
О, выпадай скорей в осадок,
Садись на стенки, серебро!

Не так ли осень получалась
Из суммы листьев и дождя?

На потных стеклах намечалась,
Блестела в лужах, уходя,
И собиралась у приступок?

Берусь за скользкие края.
Да будет светел мир и хрупок,
Как эта колбочка твоя!

ТАНЕ

С утра старается в трубе,
Льет ливня.
Забуду думать о тебе,
Но имя... имя...

Моя звезда!
Грущу опять.
Моя тайна.
Кого-то смеют называть
Твоим, Таня.

Чего хочу?
О чем грущу?
Не знаю.
Все что-то думаю,
Шепчу,
Припоминаю.

Девчонка посреди двора
Стоит, плачет.
Ей на кино дадут — ура!
С утра клянчит.

А ты в театр или в кино?
Глаза прячу.
Не все равно ли?
Все равно.
Стою. Плачу.

Не придет.
Хоть умри —
не придет.
За версту твою дверь
обойдет.

Переулочком.
Ветер в башке!
С желтой сумочкой
на ремешке.

То ли дождь —
не поймешь,
то ли с крыш...
Зонт над нею —
летучая мышь.

Зонт над нею —
летучая мышь...

Ты куда же
сегодня
спешишь?

Двери настежь
пойди отвори —
с ближних улиц
придут фонари.

Оправляя
измятый подол,
тумбы с мусором
сядут за стол.

Просидят у тебя
до зари.
Хоть умри —
не придет.
Хоть умри.

Опять на улице мороз,
И скрип подошв, и скрип колес,
И голых веточек скрипенье.
И жизнь поскрипывает так,
Что я твержу себе: «Терпенье!»
А если под вечер: «Приляг...»
Терпенье!

Боль свою — обузу,
Что наше сердце рвет с петель,
В постель заманим, как Кутузов
Врага заманивал в метель.
Пойдем на хитрость! Чтоб уснула.
Проснешься утром — и здоров!
В постель по краю, мимо стула,
В обход! Тарутинский маневр!
Обманем боль, засыпем снами.
Заснем — и снегом занесет.
Когда она проснется с нами,
Она уже почти пройдет.

ФОТОКАРТЧКА

Тане

На этой фотокарточке
Над нами ореол.
Слетелись мы, как бабочки,
За круглый этот стол.

Еще должны упрочиться
Веселие и смех,
И ссориться не хочется
Ни с кем, и жалко всех.

Друзья мои, приятели,
Колени обхватив,
Сидят, как будто спятили,
Не смотрят в объектив.

И ты, моя красавица,
Грустна и хороша.

Рука твоя касается
Столового ножа.

И впору мне отчаяться
И карточку убрать:
Нельзя же так печалиться,
Секреты выдавать.

...И та, которую любил
Всех больше и сильней,
Кого однажды позабыл,
Чтоб не жалеть о ней,
Придет, как в царствие свое,
В твой дом, к твоим родным.
И все, что было без нее,
Развееется, как дым.
И телевизор отойдет,
И дети, и жена.
И лоб холодный твой найдет,
Спокойна и нежна.
И станет нечем вдруг дышать,
Как в юности твоей.
И ты останешься лежать
И улыбаться ей...

Где ни буду и с кем я ни буду —
Ты одна. Ты осталась во мне.
И забуду тебя — не забуду,
И усну — и заплачу во сне.

И еще неизвестно, какая
Боль готовится мне наяву.
Задохнусь ли, к другой привыкая,
Или имя твое назову.

Далеко-далеко,
Далеко-далеко,
Не забыть, не вернуться назад,
Над Сестрорецким шоссе журавли.
«О-го-го!»
И под ними дожди моросят.

Никого мне не будет милее.
Прислоняясь к чужому плечу,

Я еще о тебе пожалею,
Я еще о тебе покричу.

И на праздниках дымных и тесных,
Рюмку горькую вдруг наклоня,
Затоскую, о чем — неизвестно,
Он напился — решат про меня.

Но в конце, на ночном бездорожье,
Где для нас ни души, ни звезды,
Мне останется ветер и дождик,
И за ветром и дождем — ты.

Разлуки наши долгие и трудней.
Во Франции
Какие расставанья?
В Германии
Какие расстоянья?
До Сахалина ехать десять дней.
Любови наши долгие и трудней.
А лето наше жестче и короче.
Между влюбленными стоят глухие ночи,
В метелях тысячи скитаются огней.
Между влюбленными у нас такие споры,
Возвышенности, низменности. . .

Нам

Всего милей ночные разговоры,
Горячее дыханье телеграмм.
И паровозы наши дышат тяжело,
В рассветные врываясь города.
На наших ящиках почтовых открывашка

Весь день стучит и ночью — иногда.
Читайте про любовь за рубежом,
Про западные праздничные страсти,
Но девушка вам утром скажет: «Здрaсте»,
Квитанцию сверяя с багажом.
А голос у нее — как у жены...
Так вот когда и вам из этой чаши!
И вы поймете, как на чувства наши
Влияет география страны.

НА ПАРХОДЕ

Расставанья,
расстоянья.
Письма,
залы ожиданья.
Привыканья
к пререканьям
и казенным простыням.
Приставанья к пристаням.
И ночной воды
плесканье,
и речной звезды
сверканье,
и простаиванье там.
А кого-то звали Лехой.
«Слышишь, Леха! Тюк бери».
Продвиженье
встречных грузов,
прохожденье

темных шлюзов,
суета и суматоха,
цепи, башни, фонари.
По ночам будил поляны
    окрик сиплого гудка,
заползали в сны туманы,
залетали облака.
Городов ночные чары!
Чебоксары! Чебоксары!
Утром встанешь у перил,
глянешь на воду убито:
что-то важное забыто,
и не вспомнить, что забыл...

НА ТЕЛЕГРАФЕ

На телеграфе грустен юмор.
Удобен способ телеграмм,
Но слово «жив» и слово «умер»
Равны по стоимости там.
На телеграфе учат стилю.
Ни лишних слов, ни запятой.
О, сколько раз мы подходили
К перегородке золотой!
И: «Кто последний? Я за вами».
И маялись невдалеке
С пятью тяжелыми словами
На вытянутой руке.
И карандаш телеграфистки
Над нашим горем замирал.
И на рассвете наших близких
Звонок с постели поднимал.

ЧУЖОЕ ГОРЕ

Пугает нас чужое горе.
О, как бледнеем перед ним
Наедине и в разговоре!
Свое не кажется таким.
Наоборот. Мне было плохо,
Но все казалось: за спиной
Я не заслуживаю вдоха
И плохо с кем-то, не со мной.
Считалось, мне ходить опасно
Туда, где рельсы, мост и мрак,
Но я почувствовать несчастным
Себя никак не мог, никак.
Я убегал полуодетым.
И, только вспомнив про беду,
Вдруг удивлялся — и при этом
Чуть спотыкался на ходу.

ДВА МАЛЬЧИКА

А. Битову

Два мальчика, два тихих обормотика,
ни свитера,
ни плащика,
ни зонтика,
под дождичком
на досточке
качаются,
а песенки у них уже кончаются.
Что завтра? Понедельник или пятница?
Им кажется, что долго детство тянется.
Поднимется один,
другой опустится.
К плечу прибилась бабочка
капустница.
Качаются весь день с утра и до ночи.
Ни горя,
ни любви,

ни мелкой сволочи.

Все в будущем,

за морем одуванчиков.

Мне кажется, что я — один из мальчиков.

РИСУНОК

Ни царств, ушедших в сумрак,
Ни одного царя —
Ассирия! — рисунок
Один запомнил я.

Там злые ассирийцы
При копьях и щитах
Плывут вдоль всей страницы
На бычьих пузырях.

Так чудно плыть без лодки!
И брызги не видны,
И плоские бородки
Касаются волны.

Так весело со всеми
Качаться на волне.
«Эй, воин в остром шлеме,
Не страшно на войне?»

Эй, воин в остром шлеме,
Останешься на дне!»
Но воин в остром шлеме
Не отвечает мне.

Совсем о них забуду,
Бог весть в каком году
Я в хламе рыться буду —
Учебник тот найду

В картонном переплете.
И плеск услышу в нем.
«Вы всё еще плывете?» —
«Мы всё еще плывем!»

ГОТОВАЛЬНЯ

За взрослостью, за далью дальней,
За всем, что кончилось давно,
Я помню первой готовальни
Темно-зеленое сукно.

Рейсфедер в ямке,

и чудесный

Пенальчик с грифелями в нем,
И сбоку

стерженек железный,

Отодвигаемый ногтем.

Я поднимал холодный циркуль
И раздвигал его.

И вот,

Как будто он пришел из цирка,
Блестящий делал поворот.

И, демонстрируя всю точность,
Свой непременный идеал,
Он возвращался в ту же точку,

С которой лихо начинал.
Прощайте, душные чернила!
Мне тушь любезна и мила!
И геометрия царила,
И в ней гармония была.
Мои младенческие вкусы
Стояли с веком наравне.
А за окном шептались Музы,
Все девять, споря обо мне...

УРОКИ ФИЗИКИ

Законы матери-природы,
Являясь нам по одному,
Взывали, помнится, в те годы
Скорее к сердцу, чем к уму.
И рядом с Макбетом и Банко,
Но в плане разных плоскостей,
Стояла лейденская банка,
Копилка молний и страстей!
Иль взглядом темным и туманным
Следили, пряча в горле ком,
Как бьется пламя под стеклянным,
Под невозможным колпаком:
В среде пустой и безвоздушной
Оно металось, как в беде,
Как Чацкий в пошлой и бездушной,
Необразованной среде!
Учитель! Как привыкнуть к чуду?
Отстать от этой чепухи?
Сияет физика повсюду!
Везде мерещатся стихи!

РАДИЩЕВ

Ему потупиться бы скромно:
Живи один, себя спасай.
Радищев! «Чудище огромно,
Стозевно, обло и лаяй».
Танцуй — вельможа, пахарь — бедствуй.
Покой душевный возлюбя,
Не хлопочи, не путешествуй
И не смотри вокруг себя.
Но под родными небесами,
Встречая барство и разбой,
Он обливается слезами
И нас не слушает с тобой.
Несовершенным мирозданьем
Во все века и времена
И человеческим страданьем
Его душа уязвлена.
И вот стучит ногами гневно,
Кричит и требует воды
Богopodobная царевна
Киргиз-Кайсацкия орды!

А зло темно и вероломно.
Сибирь. Приехал. Вылезай.
Радищев! «Чудище огромно,
Стозевно, обло и лай».

ФЛОРА

Шагаю, как по коридору,
По саду Летнему, пока
Богиню каменную Флору
Не узнаю издалека.

О, восемнадцатого века
Тоска по сельской простоте!
Богиня Флора — страсть и нега,
Гирлянда роз на животе.

Как легок шаг ее проворный!
Как оживляет общий ряд
Ее пастушечий просторный
И легкомысленный наряд!

Откуда эта безмятежность?
Какая радость впереди?
Что за лукавая небрежность
В рубашке, съехавшей с груди!

Не с озорством, не с вожделеньем —
Богиня Флора! — нем и тих,
Я отрываюсь с сожаленьем
От скромных прелестей твоих.

Когда, смахнув с плеча пиджак,
Ложисься навзничь на лужок —
Ты поступаешь, как Жан-Жак,
Философ, дующий в рожок.

На протяжении двух веков
Он проповедует в тиши
Сверканье сельских родников,
Спасенье сердца и души.

Но стрекоза, и светлячок,
И бык, что в сторону глядит,
И твой помятый пиджачок —
Меня ничто не убедит.

На протяжении двух веков
Сопровствляюсь и шучу.
Бежать из пыльных городов
Все не хочу, все не хочу.

В ЗАЩИТУ СЕНТИМЕНТАЛИЗМА

Где кончаются ромашки —
Начинаются замашки.
Я признаюсь по секрету,
Мне не нравится бензин.
Дальновидней всех поэтов
Был историк Карамзин.
Он открыл среди полянок
Много милых поселянок,
Он заметил средь полян
Много мирных поселян.
Что они любить умеют,
Обнаружил тоже он.
Пастушкí, когда стемнеет,
Ходят к милым на поклон.
Так проходят дни недели. . .
Что ж имеем, в самом деле?
Люди лижут валидол,
На язык кладут лекарства,

А полезней вол и дол,
Деревенское лукавство.
Там и ста не встретишь лиц,
Под окном не чинят кабель.
Пребыванье вне столиц
Здоровей сердечных капель.

Сплошная выдумка, химера,
Со мною рядом на тропе
Ты возникаешь из размера
В стихах совсем не о тебе.

И стих теряет все, что было...
Ты кружишь голову, как хмель,
Условна так же, как Леила
У классицистов и Адель.

И достоверности убогой
Я придаю тебе черты:
Ладонь, задетую осокой,
На платье красные цветы,

И современности высокой
Вношу единственный налет:
Над полем, речкой и осокой
Летающий косо самолет.

Зато теперь имею право
Вести в стихи прямую речь,
И повернуть с тобой направо,
И в разговор тебя вовлечь.

Но ты — ты руку отнимаешь
И вдруг садишься на траву:
«Зачем в стихах со мной гуляешь,
Как не гуляешь наяву?»

ОСЕНЬ

Деревья листву отряхают,
И солнышко сходит на нет.
Всю осень грустят и вздыхают
Полонский, и Майков, и Фет.
Всю осень, в какую беседку
Ни сунься — мелькают впотьмах
Их брюки в широкую клетку,
Тяжелые трости в руках.
А тут, что ни день, перемены:
Слетает листок за листком.
И снова они современны
С безумным своим шепотком.
Как штопор, вонзится листочек
В прохладный и рыхлый песок —
Как будто не вытянул летчик,
Неправильно взял, на глазок.
Охота к делам пропадает,
И в воздухе пахнет зимой.
«Мой сад с каждым днем увядает».
И мой увядает! И мой!

Так вот, начнем с того, что осень
Пришла. Куда ни посмотри —
Блестят, как рюмки на подносе,
В широких лужах пузыри.
Листок слетает, весь в накрапах,
Распространяя винный запах.
Мы тихо выйдем на развилку
Дорог, и чудно пахнет там,
Как будто старую бутылку
В лесу откупорили нам.
Намокнув, давит на растяжки
Наш зонт и валится назад,
И по углам его стекляшки,
Как будто капельки, висят.
И наши речи всё короче,
И ты со мною недобра.
Так вот, начнем с того, что кончить
Прогулки летние пора.

Вот гусеница, как сухой сучок,
На дереве застыла. И молчок.
Прекрасен, как большая орхидея,
Жук-богомол. Ужасная затея!
От щупалец одних бросает в дрожь.
А палочник на палочку похож.
Сидит в листве, забившись в уголочек,
Древесный клоп, как маленький листочек.
А рядом бабочка над пыльной трухой,
И тоже как листочек, но — сухой.
Здесь каждый так: едва из колыбели —
Уже на что-то чуждое похож
И строит жизнь по образцу модели.
Не уличишь, пока не подойдешь.
А нам с тобой не сжаться ли комочком?
Не замереть ли, голову склоняя?
Тебе сучком застыть, а мне — цветочком,
И всех просить: не трогайте меня!

Терять друзей, обманывать знакомых
И превратиться в гнусных насекомых?
Стоим одни на пыльном огороде,
Со всех сторон открыты и видны,
И благодарны матери-природе,
Что нам чужие формы не даны!

НАД МИКРОСКОПОМ

Побудь средь одноклеточных,
Простейших водяных.
Не спрашивай: «А мне-то что?»
Сам знаешь — всё от них.

Ну как тебе простейшие?
Имеют ли успех
Милейшие, светлейшие,
Глупейшие из всех?

Вот маленькая туфелька
Ресничками гребет.
Не знает, что за публика
Ей вслед кричит: «Вперед!»

В ней колбочек скопление,
Ядро и вакуоль,
И первое томление,
И, уж конечно,— боль.

Мы как на детском празднике
И щурим левый глаз.
Мы, как десятиклассники,
Глядим на первый класс.

Там, где на дне лежит улитка,
Как оркестровая труба,
Где пескари шныряют прытко
И ждет их страшная судьба

В лице неумолимой щуки, —
Там нимфы нежные живут
И к нам протягивают руки
И слабым голосом зовут.

У них особые подвиды.
В ручьях красуются наяды,
Среди густых деревьев — дриады,
И в море синем — nereиды.

Их путать так же неприлично,
Как, скажем, лютик водяной,
И африканский, необычный,
И ядовитый луговой.

Отнюдь не праздно всезнайство!
Поэт, усилий не жаль,
Не запускай свое хозяйство
И будь подробен, как Линней.

АСТРОБОТАНИКА

Астроботаника основана на вере.
В обсерваториях ночами тихо-тихо.
Астроботаника — про астры на Венере.
Средь академиков всех лучше старый Тихов.
Фотографированье звезд на расстоянье
В десятки светолет не труд, а мука:
Над телескопами качнется мирозданье —
И затуманится прекрасная наука.
У круглой линзы радужный мениск —
Как у прозрачной жидкости в сосуде.
Астроботаника предполагает риск
Гипотез, призрачных уже по самой сути.
Выходим в ночь, распахивая двери,
К ночному небу обращаем лица:
Рычат вверху неслыханные звери,
Трясет хвостом невиданная птица.
Какие формы ожидают нас!
Быть может, не растения, а нечто,
Чему и нет названия сейчас,
Так призрачно оно и быстротечно.

Влюбляясь в мира дивную красу,
Скажи, на чем задержимся подолгу?
Меняй, дурак, корову на козу,
Козу на кошку!
Кошку на иголку!

Что говорить, корова хороша.
Иголка рядом с ней едва заметна.
Зато блестит. И вольная душа
Над нею содрогается победно.

Что нам взамен предложит здравый смысл? —
Советчик наш умен, но стар и лыс —
Всего скорее, вздох по поросенку. . .

Смеси, дурак, бредущих по проселку.
Не обращай вниманья на хулу.
О козьей шерсти думать ли, о мясе?
Козу на кошку!
Кошку на иглу!
Сияй нам, жизнь, во всем многообразье!

АРБУЗЫ

Бледнеют спортивные игры
Пред этой, с пудами в руке.
Арбузы, зеленые тигры,
Сидят за решеткой в ларьке.

И жаром от выставки веет.
Арбузы, прельщая народ,
Не зреют уже, а звереют
И клетку сломают вот-вот.

И сам продавец — укротитель,
Ирины Бугримовой брат,
Питомцев своих — посмотрите! —
К прилавку ведет на парад.

Он что, их из Африки вывез?
От страху не стыдно упасть.
Он делает ножиком вырез,
И чмокает красная пасть.

Его цирковые повадки,
Похлопыванье по бокам —
Во славу торговой палатки,
На зависть соседним лоткам.

«Вы мне перепачкали брюки!
Я их не отмою вовек!» —
«Чего вы кричите? Не брюква! —
Арбуз! Молодой человек!»

ЖОНГЛЕР

Легко и точно, как планеты,
Путей которых не пойму,
Под потолок летят предметы
И возвращаются к нему.

Стаканы в воздухе сверкают.
Им хорошо. Из них не пьют.
Из них не пьют! Их вверх бросают.
Их вверх бросают! И не бьют.

А у жонглера череп голый
И голубые лацкана.
Он ученик формальной школы,
В нем эта выучка видна.

Стаканы вертятся, как белки,
Не выбывая из игры.
«Эй, ассистентки! Где тарелки?»

Тащите кегли и шары!
Ножи и свечи!

Живо, живо!»

Все вещи втягивая в круг,
Стоит жонглер, как древний Шива,
Мелькают сразу десять рук.

ФОКУСНИК

Он сделал мрачное лицо.
Потом платком накрыл яйцо.
Потом смахнул платок — опле! —
И вот цыпленок на столе.

Потом с ладони бил фонтан.
Потом он воду лил в карман.
Потом в кармане у него
Не оказалось ничего.

Потом он съел стакан.

Потом

Он показал кота.

Затем

Он был уже с другим котом,
А мы следили не за тем.

Затем он съел графин.

Потом

Он рылся в ящике пустом,

Достал бревно, достал пальто
И я уже не помню что.

Потом еще чего-то съел.
Затем он белым сделал мел.
Никто не понял, что к чему,
Но долго хлопали ему.

И справа, и слева вода.
Ну что ж, тебе весело?

Да!

Волна меня бьет по затылку
И гладит меня, как бутылку,
И я, в золотых пузырьках,
Верчусь у нее на руках.

НЕБЕСНАЯ МЕХАНИКА

Меня вертели так и этак,
Мне объясняли раз полста
Ночное небо из-за веток.
Я не запомнил ни черта!

Меня вели к нему на крышу,
И на обрыв, и за стога.
«Кассиопея! Видишь?»

—«Вижу».

«А там Полярная!»

—«Ага».

Я соглашался.

И, блистая,

Спускалась к нам ночная мгла,
Ее механика простая
Была прекрасна и светла.

Но все названья, все названья
Я в тот же вечер забывал.

Под легкой крышей мироздания
Своих наставниц целовал.

И повторял земное имя...
А звезды стыли в глубине.
А мне бы лишь ходить под ними,
А их имен не надо мне!

НА КОНЦЕРТЕ

Рояль в углу блестел, как лед.
Когда ж его везли по сцене,
Он был похож на самолет —
И за предел земной нацелен.

Неповоротлив, и крылат,
И равномерно обтекаем,
Он был одной из тех прохлад,
В которых мы души не чаем.

Потом являлся пианист
И ставил ноги на педали.
Рояль гремел, и звук был чист,
Он нарастал — и мы взлетали.

Туда, под своды потолка.
И все летали и кружились.
И люстры, словно облака,
Стояли рядом и клубились.

Легко и жутко было нам,
И сердце сладко замирало.
И то сказать, воздушных ям
Встречалось в музыке немало.

В антракте вдоль прохода шли
И тем житейских не касались,
Как бы отвыкнув от земли.
А присмотреться, то — качались!

ГРАФИН

Вода в графине — чудо из чудес,
Прозрачный шар, задержанный в паденье!
Откуда он? Как очутился здесь,
На столике, в огромном учрежденье?
Какие предрассветные сады
Забыли мы и помним до сих пор мы?
И счастлив я способностью воды
Покорно повторять чужие формы.
А сам графин плывет из пустоты,
Как призрак льдин, растаявших однажды,
Как воплощенье горестной мечты
Несчастных тех, что умерли от жажды.
Что делать мне?

Отпить один глоток,
Подняв стакан? И чувствовать при этом,
Как подступает к сердцу холодок
Невыносимой жалости к предметам?
Когда сотрудица заговорит со мной,
Вздохну, но это не ее заслуга.
Разделены невидимой стеной,
Вода и воздух смотрят друг на друга...

СТАКАН

Поставь стакан на край стола
И рядом с ним постой.
Он пуст. Он сделан из стекла.
Он полон пустотой.
Граненый столбик. Простачок.
Среди других посуд
Он тем хорош, что одинок.
Такой простой сосуд!
Собрание лучей дневных!
И вот, куда ни встань,
Сверкает ярче остальных
Не та, так эта грань.
А рядом пропасть, точно пасть
Разверстая. И что ж?
Он при возможности упасть
Особенно хорош.
С ним не должно случиться зла,
Покуда ты вблизи.
Поставь стакан на край стола
И сам его спаси.

Когда я мрачен или весел,
Я ничего не напишу.
Своим душевным равновесьем,
Признаться стыдно, дорожу.

Пускай, кто думает иначе,
К столу бежит, а не идет,
И там безумствует, и плачет,
И на себе рубашку рвет.

А я домой с вечерних улиц
Не тороплюсь, не тороплюсь.
Уравновешенный безумец,
Того мгновения дождусь,

Когда большие гири горя,
Тоски и тяжести земной,
С моей душой уже не споря,
Замрут на линии одной.

ВАЗА

На античной вазе выступает
Человечков дивный хоровод.
Непонятно, кто кому внимает,
Непонятно, кто за кем идет.

Глубока старинная насечка.
Каждый пляшет и чему-то рад.
Среди них найду я человечка
С головой, повернутой назад.

Он высоко ноги поднимает,
Он вперед стремительно летит,
Но как будто что-то вспоминает
И назад, как в прошлое, глядит.

Что он видит? Горе неуместно.
То ли машет милая рукой,
То ли друг взывает — неизвестно!
Оттого и грустный он такой.

Старый мастер, резчик по металлу,
Жизнь мою в рисунок разверни,
Я пойду кружиться до отвала
И плясать не хуже, чем они.

И в чужие вслушиваться речи,
И под бубен прыгать невпопад,
Как печальный этот человечек
С головой, повернутой назад.

ФОНТАН

Фонтана яростное тело
Дымилось, высилось, блестело,
Из узкой вырвавшись трубы.
Оно шумело, как дубы,
Прохладно, ровно и воздушно.
Но, в общем, было так послушно
В своих невидимых тисках,
Что женщину напоминало.
Приподнималась на носках
И руки кверху поднимала.
И все на месте на одном
Кружилась, белых ног не пряча,
Бросалась в сторону потом
И возвращалась, громко плача,
И, набирая высоту,
Опять под облако летела,
До слез похожая на ту,
Что на нее, смеясь, глядела.

Душа — таинственный предмет.
И если есть душа, то все же
Она не с крылышками, нет!
Она на колбочку похожа.
Прозрачна так же и чиста
И, как она, шарообразна.
Пар на морозе изо рта
Ее очерчивает ясно.
Сжимаясь ночью от обид,
Она весь день в огне проводит.
В ней вечно что-нибудь кипит,
И булькает, и происходит:
Взрывается и гаснет вновь,
Откладывается на стенки.
И получается любовь,
И боль, и радость, и оттенки.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Танкер «Дербент»	3
В эвакуации	5
Осоавиахим	7
«Ветра неевского свирепость...»	9
«Русский дизель»	10
«Архитектура первых пятилеток...»	12
Воздухоплавательный парк	13
На мосту	15
Шестые этажи	17
Объявления по радио	18
Комната	20
«Телефонный звонок и дверной...»	21
«Когда я очень затоскую...»	22
Магнитофон	23
Вводные слова	24
«Нам станет легче сразу...»	26
«Прозаик прозу долго пишет...»	28
«А ты как жизнь свою проводишь?...»	29
«Пробыв со мной полдня наедине...»	30
«Что делать с первым впечатлением?...»	31
Химия	32
Тане	34
«Не придет...»	36
«Опять на улице мороз...»	38
Фотокарточка	39
«...И та, которую любил...»	41
«Где ни буду и с кем я ни буду...»	42
«Разлуки наши дольше и трудней...»	44
На пароходе	46
На телеграфе	48
Чужое горе	49
Два мальчика	50
Рисунок	52
Готовальня	54
Уроки физики	56
Радищев	57
Флора	59
«Когда, смахнув с плеча пиджак...»	61
В защиту сентиментализма	62
«Сплошная выдумка, химера...»	64
Осень	66

«Так вот, начнем с того, что осень...»	67
«Вот гусеница, как сухой сучок...»	68
Над микроскопом	70
«Там, где на дне лежит улитка...»	72
Астроботаника	74
«Влюбляясь в мира дивную красу...»	75
Арбузы	76
Жонглер	78
Фокусник	80
Ночные купанья	82
Небесная механика	84
На концерте	86
Графин	88
Стакан	89
«Когда я мрачен или весел...»	90
Ваза	91
Фонтан	93
«Душа — таинственный предмет...»	94

Кушнер Александр Семенович
ПЕРВОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

Редактор И. С. Кузьмичев
Художник В. Н. Шульга
Худож. редактор М. Е. Новиков
Техн. редактор Н. М. Кольцова
Корректор Е. А. Омельяненко

Сдано в набор 28/X 1962 г. Под-
писано к печати 17/XI 1962 г.
М 08628. Бумага 60 × 90¹/₃₂.
Печ. л. 3,0. Уч.-изд. л. 1,97.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 1447.
Цена 10 коп.

Издательство «Советский писатель»
Ленинградское отделение
Ленинград, Невский пр., 28.

Типография № 4 Ленсовнархоза.
Ленинград, Социалистическая, 14

10 коп.

10 коп.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»